

ОБРАЗ ВРАГА В РАСОВОЙ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ВОЙНЕ: ПРЕСТУПНЫЕ ПРИКАЗЫ ВЕРМАХТА 1941 ГОДА

В вермахте приказы командиров служили средством воспитания подчиненных офицеров и солдат наряду с пропагандистскими материалами, военной прессой, литературой, символикой и ритуалами. В приказах выражались намерения командования по созданию у личного состава образа врага и формированию стереотипов поведения по отношению к нему. Содержание этих документов отражает и мировоззрение их авторов, так как зарубежными исследователями установлено совпадение в понимании целей и способов ведения войны против Советского Союза между нацистским политическим руководством и германским генералитетом. "Руководству вермахта в 1941 году для идеологической обработки доверенных ему солдат не нужны были политические комиссары, как в Красной Армии. Их роль взяли на себя немецкие генералы", - считает немецкий историк В. Ветте [1].

Авторами приказов, формирующих образ врага, являлись представители верхушки офицерского корпуса вермахта - руководители Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), Главного командования сухопутных войск (ОКХ), командующие группами армий, армиями, командиры корпусов и дивизий. Как правило, инициатива издания приказов об обращении с противником исходила от ОКВ и ОКХ, затем эти документы воспроизводились по содержанию, а иногда и по форме нижестоящими командирами на уровне групп армий, армий, корпусов и дивизий. Реже с инициативой издания указаний об идентификации врага и обращении с ним выступали сами фронтовые генералы. Так, когда после уничтожения при участии вермахта 29-30 сентября в Бабьем Яре под Киевом более 33 тысяч евреев в частях 6-й армии появились признаки недовольства, командую-

щий армии генерал-фельдмаршал В. фон Райхенау отреагировал на них приказом "О поведении войск в Восточном пространстве" (10 октября). Командующий группой армий "Юг" генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт распространил этот текст для ознакомления по всем подчиненным соединениям, Гитлер назвал его "образцовым", а главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич попросил командующих армиями издать аналогичные распоряжения. В ноябре приказы об обращении с евреями подписали генералы Э. фон Манштейн, Г. Гот, Э. Буш, К. Китцингер [2].

Поскольку германские военачальники понимали, что изданные ими распоряжения нарушают нормы международного права, постольку большинство этих документов носили гриф секретности. Они отпечатывались небольшим количеством экземпляров, передавались только через офицеров, а знакомить с ними следовало чаще всего воинских начальников в должности от командира полка или отдельного батальона и выше. Эти командиры, в свою очередь, должны были передавать подчиненным содержание приказов устно. Лишь небольшая часть документов, в которых речь шла об идентификации врага и обращении с ним, предназначалась для ознакомления всех военнослужащих вермахта.

Директивы и распоряжения ОКВ и ОКХ, а также некоторые приказы командующих группами армий и армиями стали известны в период подготовки и проведения послевоенных судебных процессов над главными нацистскими военными преступниками и немецкими военачальниками. Другая их часть, особенно приказы командиров корпусов и дивизий, была обнаружена и включена в научный оборот позднее. В зарубежной и отечест-

венной исторической литературе за ними закрепилось обозначение "преступные приказы".

Подобные документы издавались в вермахте в течение всей второй мировой войны, но многие из них появились в период подготовки Германии к операции "Барбаросса" и на первом этапе советско-германской войны, точнее говоря, в период с марта по декабрь 1941 г. Именно в это время у военнослужащих вермахта был сформирован образ врага на Востоке и выработаны поведенческие нормы и стереотипы обращения с этим врагом.

Считая, что война будет вестись против "иудейско-большевистской системы", главнокомандующий вермахта Гитлер, ОКВ, ОКХ уже в период подготовки к нападению на Советский Союз назвали в своих директивах и приказах главных врагов немецких военнослужащих - евреев и большевиков. В различных директивах и приказах приводились в целом совпадающие перечни будущих противников: "коммунистические (большевистские) подстрекатели", партизаны, саботажники, евреи. Нередко враг рисовался в самом общем виде, как, например, в указаниях к развертыванию по плану "Барбаросса" командира 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера от 2 мая, в которых речь шла о "представителях сегодняшней русско-большевистской системы". При этом в некоторых приказах подчеркивалось, что война ведется не против русского народа и других народов СССР, а именно против этой "системы", против "смертельного врага" - большевизма. Так, в "Указаниях о методах пропаганды в период осуществления плана "Барбаросса"", разработанных начальником отдела пропаганды ОКВ Х. фон Веделем, утверждалось, что противниками Германии являются не "народы Советского Союза, а только еврейско-большевистское советское правительство с его функционерами и коммунистическая партия, которая работает над мировой революцией", а вермахт приходит в эту страну как освободитель

и "избавит население от тирании Советов" [3].

Несколько иначе трактовал грядущее столкновение Гёпнер, писавший, что "война против России является важным отрезком в борьбе немецкого народа за существование. Это - старая борьба германства против славянства, защита европейской культуры от московско-азиатского наводнения, защита от еврейского большевизма. Эта борьба должна иметь целью разрушение сегодняшней России и поэтому будет вестись с неслыханной жестокостью" [4].

Командующий 17-й армией генерал Г. Гот уже после начала войны, в ноябре, объяснял своим солдатам и офицерам, что "Восточный поход надо закончить иначе, чем, например, войну с французами. Этим летом нам стало еще яснее, что здесь, на Востоке, сражаются два внутренне несоединимых воззрения: германское чувство чести и расы немецкого солдатского сословия, насчитывающего вековую историю, против азиатского способа мышления и его примитивных инстинктов, вбитых небольшим количеством еврейских интеллектуалов: страха перед кнутом, пренебрежения нравственными ценностями, всеобщего нивелирования, отбрасывания собственной ничего не стоящей жизни... Эта борьба может закончиться только уничтожением одного из противников. Примирение невозможно". Целями войны Гот называл уничтожение советских вооруженных сил, внушение русскому народу мысли о "бессилии его прежних правителей и неуклонной воле немцев искоренить этих власть имущих как носителей большевистской идеи", а также эффективное использование завоеванной территории "для обеспечения снабжения родины" [5].

Именно евреям, политическим комиссарам, большевикам высшие военные чины третьего рейха приписывали различные негативные качества и с уверенностью утверждали, что с их стороны следует ожидать вредительства, актов саботажа, диверсий, поджогов, жестокого обращения с военнопленными и т.д. Та-

ков, например, известный приказ ОКВ "Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками" от 12 мая 1941 г., в котором "всякого рода комиссары" были объявлены "подлинными носителями большевизма", "угрозой нашей безопасности и быстрому освобождению нами населения захваченных областей", "инициаторами варварских азиатских методов ведения войны", подстрекателями и организаторами саботажа. Им же заранее приписывались нарушения принципов гуманности и международного права, а также "особенно жестокое и бесчеловечное" обращение с немецкими военнопленными [6].

С первых дней войны образ врага стал расширяться, охватывая новые, широко определенные категории: "коварных, жестоких партизан" ("бессовестных жестоких убийц"), саботажников, вредителей, стрелков из засады, "выродков-женщин", помощников партизан, к которым причисляли либо всех мужчин, либо все население, включая женщин и детей. Одновременно подчеркивалось, что главным врагом по-прежнему являются комиссары, большевики в целом, все без исключения евреи. В приказе Манштейна, который осенью командовал 11-й армией в Крыму, говорилось, что борьба на территории СССР "не ведется в традиционной форме только против советских вооруженных сил по европейским правилам войны". На солдат и мелкие подразделения в тылу нападают партизаны и стрелки из засады, они пытаются саботировать снабжение вермахта, устанавливая мины и адские машины. Оставшиеся коммунисты беспокоят освобожденное от большевизма население и этим препятствуют политическому и экономическому умиротворению завоеванной страны.

Как правило, на местах генералы требовали более дифференцированного подхода к населению. Командование 2-го армейского корпуса 17 июля приказало войскам в польских и белорусских областях проводить различие между "активными приверженцами партии и евреями",

с одной стороны, и массой населения, с другой. В приказе командующего 17-й армией (группа армий "Юг") генерала пехоты К. Г. фон Штюльпнагеля отмечалась необходимость поддержания хороших отношений с украинским населением и применения репрессий против русских, коммунистов и евреев, а в случае их отсутствия - против еврейских комсомольцев. Майнштейн призвал своих солдат проводить различие между евреями и большевиками, с одной стороны, и русскими, украинцами, татарами - с другой. Последние три категории населения настроены против большевиков и со временем встанут на сторону "нового порядка", как значилось в его приказе [7].

Следует особо указать на формирование в директивных документах вермахта образа врага-еврея. Генерал Штюльпнагель в приказе по армии от 7 сентября в перечне подозрительных групп лиц подчеркиванием выделил "евреев обоих полов и любого возраста". В приказе Райхенау "еврейским ублюдкам" приписывалась организация в тылу германских войск мятежей, которые следовало "в зародыше задушить" [8]. В упомянутом приказе Манштейна "еврейство" представлено как "посредник между врагом в тылу и еще сражающимися остатками красных вооруженных сил и красным руководством. Оно крепче, чем в Европе, удерживает все ключевые пункты политического руководства и администрации, торговли и ремесла и образует ячейку всех беспорядков и возможных восстаний". Гот характеризовал "еврейско-большевистских подстрекателей" как "антинародные элементы", которые являются духовной опорой большевизма, осведомителями НКВД, помощниками партии. Именно евреи в свое время нанесли много вреда в самой Германии, направляя свою изменническую деятельность против немецкого народа и культуры, а сейчас помогают антинемецким силам по всему миру и жаждут мести.

В нарушение норм международного права "не товарищами", а врагами, которых, по словам Гитлера, "незачем консервировать", были названы в приказах

вермахта советские военнопленные. Согласно распоряжению ОКВ от 8 сентября, перед германским солдатом впервые стоял "противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами". В прилагающейся памятке военнослужащим объяснялось, что "даже в плену советский солдат, каким бы он с виду ни казался добродушным, использует всякую возможность для того, чтобы дать выход своей ненависти ко всему немецкому" [9].

Таким образом, к концу 1941 г. в глазах немецкого солдата не только вооруженный противник, но и любой житель, встреченный им на оккупированной территории, представлял собой смертельного врага. Его "непримиримость, коварство, жестокость, хитрость" диктовали и способы обращения с ним. В директиве, подписанной по указанию Гитлера шефом ОКВ генерал-фельдмаршалом Кейтелем 23 июля, говорилось, что ввиду обширности завоеванных на Востоке пространств имеющиеся там войска будут достаточны только в том случае, "если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных", а если оккупационные власти будут внушать населению страх, который только и способен отбить волю к сопротивлению. Для внушения этого страха военным командующим было приказано применять против населения "драконовские меры" [10].

Приказ Кейтеля от 16 декабря, посвященный борьбе с партизанами ("бандитами"), содержал требования использовать "жесточайшие средства", давал войскам право и обязывал их "применять все средства без ограничений, в том числе против женщин и детей, если они ведут к успеху... Ни один немец, участвующий в борьбе с бандами, не может

быть привлечен к дисциплинарной или судебной ответственности из-за своего поведения в борьбе против банд и их пособников"[11].

В "приказе о комиссарах" были объявлены неуместными пощада и соблюдение в отношении их международных правил, содержалось требование действовать "немедленно и без всяких задержек со всей беспощадностью", а в случае вооруженного сопротивления - устранять комиссаров силой оружия. Критерием при решении вопроса о виновности или невинности должен был стать не состав преступления, как предполагали в ОКВ, "по всей вероятности, недоказуемый", а личное впечатление немецкого офицера [12]. В других приказах ОКВ и ОКХ "с целью полного устранения всякого активного и пассивного сопротивления" к врагам предполагалось применять "безжалостное энергичное обращение" (директивы ОКХ "О поведении войск в России" от 28 апреля) или "безжалостные энергичные действия" (директивы отдела ОКВ "Оборона страны" от 19 мая).

Браухич в своих директивах, изданных 25 июля, убеждал сухопутные войска, что "русский с давних пор привык к жесткому и безжалостному вмешательству авторитета". Поэтому любую угрозу со стороны вражеского гражданского населения следует "безжалостно подавлять", используя оружие до полного уничтожения противника, а любая снисходительность и мягкость суть проявления слабости. Он приказывал без колебаний применять коллективные насильственные мероприятия по отношению к любым местным жителям, не захватывая заложников заранее. Советских солдат, находящихся в немецком тылу и не сдавшихся в плен, следовало рассматривать как партизан и обращаться с ними соответствующим образом. Партизанами считались и местные жители, которые оказывали им помощь. Подозрительных лиц, поведение или образ мыслей которых кажутся опасными, следовало передавать карательным органам [14].

Гёпнер предупреждал своих подчиненных, что следует "руководствоваться железной волей к безжалостному, полному уничтожению врага", "в особенности" не давая никакой пощады руководящим работникам. Райхенау требовал от солдат полного понимания "необходимости сурового, но справедливого возмездия" евреям, представляя немецкого военнослужащего в Восточном пространстве "не только воином по всем правилам военного искусства, но и носителем неутомимой германской идеи и мстителем за все те злодеяния, которые причинялись германскому народу и родственным с ним по крови народам". 9 ноября он призвал части 6-й армии "оставить свою беспечность" и использовать такие средства уничтожения партизан-убийц, "которые нам не свойственны и никогда не применялись немецкими солдатами против вражеского населения", а именно осуществлять публичное повешение всех захваченных партизан обоюбого пола, расстреливать заложников, вешать соучастников, проводить конфискации продовольствия и сжигать дома в тех населенных пунктах, которые снабжали партизан. 10 декабря Райхенау приказал в ходе с партизанами применять "решительные и жестокие меры" ко всему мужскому населению "с целью предотвращения возможных с их стороны покушений", назвал "ненужной гуманностью" снабжение питанием местных жителей и военнопленных [15]. Манштейн тоже предостерегал своих солдат и офицеров от ложного сострадания к голодающему местному населению и советским военнопленным, "если они не состоят на службе германскому вермахту". Гот требовал, чтобы "каждый солдат армии, гордый нашими успехами, был проникнут чувством безусловного превосходства. Мы - господа страны, которая завоевана нами... Сочувствию и мягкости по отношению к населению совершенно не должно быть места. Красные солдаты зверски убивали наших раненых; они жестоко расправлялись с пленным и убивали их. Об этом мы должны помнить, если население, которое терпело некогда больше-

вистское иго, теперь захочет принять нас с радостью и поклонением". Генерал приказывал "немедленно без всякой жалости подавлять любые признаки активного или пассивного сопротивления или каких-либо махинаций" со стороны "большевистско-еврейских подстрекателей" [16].

Согласно директиве Браухича, немецкие солдаты должны были "прилично" обращаться с теми военнопленными, которые хотят работать и повинуются приказам. В то же время военнослужащим было приказано соблюдать по отношению к попавшим в плен красноармейцам дистанцию и учитывать "ожесточение и нечеловеческую грубость русских во время боев", постоянно демонстрировать чувство гордости и собственного превосходства. При первых признаках неповиновения или попытки к бегству караульные должны были без колебаний и предупреждения применять оружие. На этом фоне совершенно терялось высказанное в одной короткой фразе пожелание "избегать любого произвола" [17].

В распоряжении ОКВ говорилось, что "большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением". Германский солдат должен проводить между собой и советским военнопленным "резкую грань", "самым строгим образом... избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки", а также "проявлять чрезвычайную бдительность, величайшую осторожность и самое острое недоверие", в том числе никогда не поворачиваться к военнопленному спиной. Указания Браухича о применении оружия в распоряжении ОКВ были детализированы: разрешалось открывать огонь и по гражданским лицам, если они попытаются заговорить с военнопленными [18].

Только отдельные генералы требовали от войск иного образа действий. Так, командир 3-го моторизованного армейского корпуса генерал кавалерии Э.фон Макензен 24 ноября издал приказ о "Поведении в отношении населения", в котором убеждал подчиненных, что не-

ненависть к большевизму нельзя переносить на всех жителей. Как с ним, так и с военнопленными надо обращаться справедливо и разумно. Если дальнейшее снабжение вермахта, рейха и Европы будет в следующие годы в основном осуществляться за счет этой страны, то население не может рассматриваться как "объект эксплуатации". Скорее, оно является "необходимым звеном европейской экономики". Подчеркнуто хорошее отношение лучше всего убедит "население, привыкшее к плохому поведению Красной Армии, в силе сухопутных войск и нашего народа" [19].

Но не приказ Макензена, а распоряжения Кейтеля, Браухича, Райхенау, Манштейна, Гота и их единомышленников создали юридическую основу оккупационной политики вермахта. Враг в глазах солдат и офицеров был жесток, коварен, хитер, изворотлив и вездесущ. Он мог подстергать повсюду: в поле и лесу, в населенных пунктах и на дорогах. Враг на Востоке был многолик - каждый мужчина, женщина и даже ребенок мог оказаться коммунистом, подстрекателем, саботажником, партизаном, евреем и

представлять собой смертельную опасность. Этим определялось поведение немецких военнослужащих, нормой которого были постоянная настороженность, недоверие и жестокость - конфискация продовольственных запасов, сожжение целых населенных пунктов, расстрелы без суда и следствия всех подозрительных, публичные повешения, короче говоря, уничтожение всего и вся. Вермахт, выполняя преступные приказы германских генералов, систематически участвовал в чистках завоеванного "Восточного пространства" от нежелательных в политическом и расовом отношении слоев населения. Немецкие войска стали соучастниками истребления сотен тысяч советских граждан, заподозренных в "партизанских действиях", сотен тысяч коммунистов, расстрелов заложников, уничтожения цыган, душевнобольных, более 2 млн. евреев. Жертвами германской армии стали тысячи попавших в плен политических комиссаров Красной Армии. В основном в результате действий военных инстанций погибли 3,3 из 5,7 млн. советских военнопленных.

Библиографический список

1. Wette . Juden, Bolschewisten, Slawen. Rassenideologische Rußland-Feindbilder Hitlers und der Wehrmachtgeneräle // Pietrow-Enker B. (Hrsg.). Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000. S. 52.
2. Das Dritte Reich und seine Diener. Berlin-Grunewald, 1956. S. 397.
3. Das Dritte Reich und seine Diener. Berlin-Grunewald, 1956. S. 397.
4. Wilhelm H. H. Rassenpolitik und Kriegführung. Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und in der Sowjetunion 1939-1942. Passau, 1991. S. 140.
5. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Frankfurt am Main, 1991. S. 287-289.
6. Яковсен Г.-А. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 246-247.
7. Das Dritte Reich und seine Diener. S. 451-453.
8. Яковсен Г.-А. Указ. соч. С. 256.
9. Нюрнбергский процесс. М., 1990. Т. 4. С. 208-209.
10. Die faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion (1941-1944). Berlin, 1991. S. 169.
11. Цит. по: Latzel K. Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939-1945. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1998. S. 185.
12. Яковсен Г.-А. Указ. соч. С. 246-247.
13. Die Ermordung der europäischen Juden. München, Zürich, 1990. S. 136.
14. Die faschistische Okkupationspolitik. S. 169-170.
15. Война Германии против Советского Союза. 1941-1945. Berlin, 1992. С. 129-130; Нюрнбергский процесс. М., 1991. Т. 5. С. 310-311.
16. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. S. 287-289.

17. Die faschistische Okkupationspolitik. S. 170-171.
18. Нюрнбергский процесс. М., 1990. Т. 4. С. 208-209.
19. Der Angriff auf die Sowjetunion. S. 1250.